

Главное: Arcana 4

Трагедия Бэкона заключалась не в том, что он, учёный, полез в поэзию (или наоборот), а в том, что он, рыцарь, эзотерик, мыслитель вмазался в политику. А известно, что политика – грязное дело. И под себя в политике он придумал коварное мотто: «истина – дочь времени». Это мысль политика, а каверзная релятивность ключевого слова замаскирована маленькой буквой, с которой оно начинается. Сразу видно, что речь идёт не о Христе: Христос – это Истина с большой. И Он – не сын времени. Значит подразумевается, что есть ещё некая «истина», являющаяся суммарным портретом «человека роящегося», который рождается и умирает во времени, и Сын Вечности – Христос трансцендентен их пониманию, противен их обыновению, неприемлем в среде их общежития. Не переделывать же под Него весь уклад жизни! – Поэтому начинают модифицировать Его образ под законы мира сего, подогревая себя мыслишкой, что это делается из интересов большинства. И выбор прост: “малая буква” – с большинством, или Большая – с единицами. А политика – это искусство управления всеми, большинством – прежде всего. Меньшинство же с их Большой буквой может быть спокойно проигнорировано как “ускользающе малая величина”. Богословы придумали подлое словечко «окормливание», имея в виду интересы *многих*. Окормливание – *чем?* Христос сказал категорично: Не мечите перлы перед свиньями. Значит для “свиней” готовилась специальная баланда, *им по вкусу*, этим-то с важным выражением на лоснящихся лицах и «окормливали». Изображение мимом-Рэтлендом Цезаря – ничто, перед таким «серьёзным» лицедейством. ПротоМюнхгаузен – Роджер Мэннерс, обретя подлинный голос в XX-м веке, сказал с экрана, достав до потрохов:

«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» – приложив об колено это самое «серьёзное выражение лица». Искушение манипулировать массами существует с античных времён. Идея создать государство, которым бы управляли философы – ложный Маниловский фантом, о который расшибли себе лоб многие высокие умы.

«В работе “Успехи и развитие знания божественного и человеческого” Бэкон переводит на английский мнение Аристотеля: “юноши ещё не способны усвоить моральную философию”. То же мнение высказывает и Шекспир в “Троиле и Крессиде”:

*... Young men, whom Aristotle thought
Unfit to hear moral philosophy. (Act 2, sc. 2)*

*... Юнцы, которых Аристотель
Считает не способными постичь
Моральной философии значенье.¹*

Слово “moral” полагают ошибочным переводом греческого слова “politikes”». ² Эта подмена произошла потому, что в XVI веке якобы считали эти понятия синонимами, и первым эту традицию установил Эразм Роттердамский в своём «Colloquies». Словечко «dis-tempered (blood)» комикует на тему эротического “кипения в крови” в смысле: «в крови горит огонь желанья», тогда как на самом деле вопрос поставлен в суперважной плоскости: как воспитанную на правде юность приобщить к релятивной, фальшивой “политической философии” взрослых. Корни конфликта отцов и детей положены здесь: все бунты и революции – от нестерпимости молодой и чистой душе пережить, переварить и примириться с этой фальшью, ввести обман и ложь в свой нравственный обиход и распространить «клятву Гиппократу» на все без исключения сферы жизни. «Железа братства» юности выбрасывает сильнейший гормон «как все»; в этом возрасте кажется, что можно организовать жизнь стада на основе высоких кондиций штучности. Когда выясняется, что это невозможно, возникает взрыв, бунт, revolt, и взрослые подавляют его, навсегда прощаясь со своей собственной молодостью. Дымовая завеса эротики, шуток и острология прикрывает эту серьёзнейшую нравственную проблему, которой *нет* окончательного решения. Ибо *борьба со злом это и есть жизнь*. Убрать все препятствия с лица земли – значит превратить человека в ленивое, инертное, безвольное ничтожество. Править – значит выковывать человека, а не читать ему занудные лекции в тиши университетских аудиторий. Поэтому Бэкон в пьесе биг Бена назван *Практис*, а не Теоретик, хотя по уму он, конечно, принадлежал к этой – высшей – категории.

Вот портрет молодого человека по «Троилу...»:

*И сердце, и рука – щедры, открыты;
И мыслей не таит; отдаст, что есть;
Но только по велению рассудка
Бывает щедр; и низких мыслей чужд.³*

¹ 8, т. 5; 369-370.

² Baxter Y. Ph. The Greatest of Literary Problems. Boston, 1915; 509-510.

³ По 3; 34-38.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Для роли политика Бэкону не хватало двух необходимых качеств: жестокости и подловатости. Даже во время суда над Эссексом, где ему пришлось выступить обвинителем № 2, он питался позитивными эмоциями спасения Рэтленда от неминуемой смертной казни, а отнюдь не шкурными личными интересами. А ведь эта акция кончилась в истории “потерей лица” и подчёркиванием свинского оттенка в фамилии. Кстати, это *Pig-malion* привело к тому, что хоть как *RC* он блюл тайны, но как “государственный муж”, да ещё с только что полученными титулами барон Веруламский, виконт Сент-Альбан, расслабился на мгновение – и тут же сгорел. Слава Богу, он больно ушибся, но не разбился насмерть. «Совершенное же государство» было перенесено а Новую Атлантиду, *Утонию* (Мора), место, куда Просперо в «Буре» *утопил* свои книги. Избранность – это закон: сливоч не может быть столько же, сколько молока, металла – сколько руды, учёных – сколько неучей. «Нас мало избранных, счастливых праздных» – скажет позже Моцарт/Пушкин. Вторым избранным, Рэтленд, взял дидактическую пьесу Учителя и переделал её в романтическую драму про женскую неверность, изобразив себя в Троиле, а жену – в Крессиде, как она в те дни ему мнилась. Вот и получилась пьеса, поразительная по накалу чувств и слабой стыковке двух сюжетных линий, политической и любовной, которая к тому же не имеет конца. И хотя Рэтленд обслужил сюжетом свою собственную историю – это было как раз время семейного разлада – но будучи как и его герой Троил, «Nor dignifies an impure thought with breath» – «И низких мыслей чужд», создал произведение высочайшего общечеловеческого звучания. Нигде Проект *RC* не проваливается в приватность и частность, как и сама история их отношений с женой оказалась источником вдохновения для многих художников того времени. И через 20-30 лет после смерти супругов она поэтически пересказывалась «младшими современниками Шекспира». Джон Форд (1586-1640) написал в 1631-1633 годах пьесу «Разбитое сердце» («The Broken Heart») как раз на эту тему. Действие происходит в Спарте, перед нами как всегда аллегория. Пьеса обращена к тем, кто в курсе семейного разлада Рэтленда и его жены Елизаветы. «Замысел Форда состоял в том, чтобы отстоять свою точку зрения: ревнивец-муж, а не жена, был повинен в несчастье семьи, да ещё брат, выдавший замуж сестру за очень достойного, но нелюбимого человека». ¹ Насчёт «нелюбимого» – новость; возможно от этого и

¹ 3, 203.

платонизм в отношениях и бешенная ревность Рэтленда к Донну; возможно, чувство Джона к Елизавете Рэтленд было взаимно. Физическая близость – дело второе. Измена была не в этом.

«The Broken Heart» плюсуется к Хейвудовской «A Woman killed with kindness»; к ним добавляются «Троил и Крессида», «Зимняя сказка» и «Цимбелин» – и История Любви предстаёт перед нами во весь размах. Причём через несколько столетий она не обветшала в «частный случай под слоем нафталина». Почему?

Феномен “Шекспира” уникален тем, что талант такого масштаба, настоящий, природный гений был вставлен в аристократа высоких кровей, уже почти вырожденца, – *человечество к этому не привыкло*. Аристократам положено было быть малоценными и бездарными лоботрясами, и, смотря на них, простолюдины злорадно думали: «пена! оболтусы! пижоны! – А Леонардо, Данте, Микеланджело, Рафаэль, Палестрина – из наших, из простых, из “чёрной кости”; вы – прошли и ушли; они – пришли – и остались. Остались навсегда». – И чувство глубокого удовлетворения от сознания справедливости деления разливалось у них по организму.

И вдруг!.. – Кошмар! Катастрофа! Сбой в программе: – Гений даётся *не тому, не по справедливости, не нашему!*! «Где ж правота, когда великий дар, когда бессмертный гений?» – И это не один Сальери, а вопль классового поругания, оскорбления, нанесённого в самое сердце.

И действительно, – кто? Граф Тибо Шампанский? Маргарита Наваррская с её жиденьким «Гептамероном»? Это всё белоручки, *работать* не умеют и не могут, а без этого какой «гений»?

И вдруг!.. На тебе! И умный, и талантливый и королевских кровей, потомственный граф и богатей; но – мало этого – не ленив; полюбил театр – завалил театр гениальными пьесами – играючись; фонтанировал так, что плебей Бен Джонсон всё порывался его заткнуть, покрываясь холодным потом второсортности.

Джон Драйден, один из крупнейших поэтов следующего поколения, писал: «Если сравнить Джонсона с Шекспиром, я должен признать его более правильным поэтом, но Шекспир обладал большим “wit”. Шекспир был нашим Гомером, Отцом наших драматических поэтов; а Джонсон – наш Вергилий, эталон изощрённого писания. Я восхищаюсь им, но люблю Шекспира».¹

Посмотрел бы он сейчас: где Шекспир – и где Джонсон!..

¹ 3, 23 (Dryden J. Essay of Dramatic Poesie. 1668). Wit здесь – творческий дух.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

В конце XVI века театральные подмостки были единственной возможностью высказаться хоть и аллегорически, но публично. В «Гамлете» это показано очень чётко. Но поскольку о нём отдельный разговор, то ограничимся призыванием в памяти всего фрагмента с актёрами, пьесу в пьесе «Мышеловка» и эффект произведённого действия. Вот почему каждый серьёзный политик держал свою театральную труппу – подобно тому, как сейчас миллиардеры держат в собственности футбольные команды. В начале XVII века состязательность перешла в область научных академий, и Бэкон сам мигрировал из одной зоны в другую. Он единственный раз в письмах упоминает о своём театральном хозяйстве: пишет на континент юному другу Тоби Мэтью, что тот, конечно, ждёт «Юлия Цезаря»; но он шлёт ему нечто более серьёзное. До вечной славы было далеко, в злободневности же и карикатурности Бен был непревзойдён. А быть вторым Бэкон не привык.

«Французская академия» – ещё один псевдонимный труд Фрэнсиса, выступающего под красочной фамилией Pierre de la Primaudaye – франко-английским кентавром, с многозначительным намёком на Первый день Творения. Книга о том, как четверо молодых людей организовали колледж на новый лад. Она много раз издавалась в Лондоне в английском переводе; вошла в список книг, рекомендованных рыцарям ордена Шлема, о котором мы уже знаем. В связи с последним обстоятельством и наш “пострел” Бен не преминул замолвить за неё словечко. Один из героев романа заявляет: «Я намерен действовать так, как действуют играющие на сцене: надев заимствованные маски и обманчивые одежды, они представляют реальных персонажей – тех, кого задумано представить зрителям»¹. Вот откуда берёт начало параболическая поэзия. После гибели Пифагора и насильственной смерти Сократа античные интеллектуалы стали мысли прятать и шифровать. Неоплатоники и гностики в начале нашей эры, стоя на обломках Египта и Античной Греции, попытались что-то расшифровать и зафиксировать. Но императорский Рим не располагал к большой раскованности и свободе в слове. Не забудем, что Сенека, хоть и был «дядькой христианства», одновременно воспитал Нерона, тоже с “большой тягой к театру”. У Бэкона – Сенеки номер два – в подопечных был не один Рэтленд. «Not to acquaint everie'one with Secrets»² – декларировал он: everie'two уже

¹ 3, 33 (Smedley W. The Mystery of Francis Bacon. 1912; 39).

² «Не знакомить каждого (первого попавшегося) с секретами».

мог быть подсадной уткой. Причём не стеклянной. Он ещё хорошо отделался: пуля прошла по параболе. Правда между двумя событиями минуло четверть века. Но что это меняет? Мы упираемся в то же противоречие: желание одновременно высказаться – и скрыть. Его ученик Рэтленд делал то же самое, но не из страха, а из аристократической опрятности. Его авторитет, запечатлённый в зеркалах произведений, не содержит в себе изогнутой по холуйски линии позвоночника в немом вопросе: «Чего изволите?» «Nor dignifies an impure thought with breath» – «И низких мыслей чужд» сказано о Троиле. Как верно отметила исследовательница, благородством дышит всё, написанное “Шекспиром”, даже скабрёзности шутов. Это не благоприобретённый политес слуги, вышколенного в доме господина – это было впитано с молоком матери.

Когда над Рэтлендом ступились тучи, Бен Джонсон расщедрился на защитительный опус – пьесу «Поэтастр» о старшем и младшем Овидиях. Может она и смягчила королеву (ну, действительно, какой из поэта преступник?), но в круг избранных дорогу Бену всё равно не открыла. А после прокола с тайной Елизаветы Сидни, его стали брезговать и избегать, из-за чего он и запил на год и озлобился на всю эту “родовитую сволочь”, которая ухитряется даже сидя в Тауэре сохранять лицо.

С Лизой Рэтленд он проговорился – как же смог сохранить в неприкосновенности «тайну Шекспира»?

А никакой тайны не было.

Был Орден, была аристократическая складчина, братская взаимовыручка, орденская необременительная дисциплина, только всех возвышающая, и добровольное распределение обязанностей. Радующие и взаимная щедрость были в порядке вещей. Неродовитому (по легенде) и вечно нуждающемуся Бэкону приходилось играть Креза; правда, в последние годы, после повышений, деньги появились. Но когда обвинение в коррупции подтвердил на суде он сам, Саутгемптон, памятуя о его обвинительной речи против Эссекса, потребовал для него смертной казни. А после того, как король ограничился отстранением от должности и лишением милостей, отказался общаться с ним как с главой Братства. Так сделали и другие. Но Орден продолжал существовать; до 1637 года его патронировал Роберт Фладд и – из Германии – Август Брауншвейг. Аристократические сообщества не терпят внутри себя бедноты. Даже в рубище ты должен оставаться королём («Король, король, от головы до пят!» Это о Лире в лохмотьях). Коррупция – не королевское дело. «Ричард II –

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

это я!» – воскликнула королева, вспоминая одну из исторических хроник “Шекспира”. Старика-придворного от этих слов даже передрнуло, и он зашамкал в ответ что-то по этикету.

Вот что Фга. Васон писал о братстве: «Природа создаёт отношения братства в семье, занятия ремёслами устанавливают братство в цехах, божественное помазание несёт с собой братство среди королей и епископов, обеты и уставы устанавливают братство в монашеских орденах, и конечно, невозможно, чтобы точно таким же образом благодаря наукам и просвещению не возникло бы и благородное братство среди людей, ибо сам Бог носит имя Отца Света»¹. В другом месте он настойчиво повторяет: «... конечно, подобным же образом не может не быть братства наук и просвещения, отцовство которого следует отнести к Богу, ибо Его называют Отцом просвещения и Света»².

Как видим Общества масонов («братство в цехах») и иллюминатов были сформулированы им, а вместе и весь XVIII век – Век Просвещения, Illumination.

Но понятие *рыцарь* Бэкон считал устаревшим. Джон Донн проговорил этот концепт очень чётко: «His realme, his castle, his diocesse» – «Его (рыцаря) королевство (*real me*), его замок, его епископат». “Мелкопоместному” Бэкону эти понятия были чужды: он не был феодалом, замка у него не было; в войнах не участвовал, для воинских подвигов нужна рыцарская доблесть, а по нему это – блажь, доставшаяся в наследство от вчерашнего дня.³

«Истинного феодального рыцарства Средневековья уже, конечно, не было. Но оно хорошо помнилось; всё ещё имели смысл титулы (которые Бэкон очень любил), гербы, там и здесь впечатляли неприступностью стены и башни замков, память хранила рыцарские турниры, всерьёз выявлявшие самого сильного и храброго воина. Ещё живы были представители старинной аристократии, которые не только соблюдали в быту ритуалы и правила уходящей эпохи, но и оставались верны рыцарскому кодексу чести. Таким был Роберт Девере – второй граф Эссекс»⁴.

Процесс над Эссексом и его казнь как бы похоронили рыцарские добродетели как реальность, переведя всё в область поэтической метафорики.

¹ 7, т. 1; 146.

² По 3; 110.

³ По 3; 58.

⁴ По 3, 78-79.

Роберт Девере
Второй граф Эссекс

В двери истории настойчиво стучался капиталист и предприниматель, а «Мальтийский еврей» Марло и Шейлок из «Венецианского купца» Ш.-С. начинают тему, которая кончается кошмарным «Королём иудейским» Достоевского. На смену Амадиса Гальского приходит юродский Дон-Кихот, которого, не исключено, написал английский епископ Корбет¹, а испанский вариант – перевод.

Главное, у него перед глазами был Рэтленд – благородный чудак и «рыцарь» в кавычках (кавычки обозначают кресло на колёсах). Тогда триада великих романов о странствующих рыцарях будет выглядеть так: «Дон Кихот» (Корбета), «Аргенис» (Бэкона) и «Коризтовы нелепицы» (Рэтленда). Если это так, то РС отличились ещё одним великим Проектом. Ласковая доброта всех трёх книг вызвала восторг коллег.

Вот панегирик Уильяма Остина:

*Как описать и хватит ли мне фраз
Тебя, о чудо, наших дней алмаз?
На это только ты один готов,
Поэт поэтов и глава голов.*

Ему вторит и Джон Оуэн:

*Лис весь из яда, как болото зыбок,
А эта книга вся полна улыбок;
Входи, читай и ты обрящешь в ней,
Британия, гиганта наших дней.*

«Лис» – пьеса Бена Джонсона, похвала же раздаётся, в честь Коризта – величайшего *wit* «нашего времени», – ума, “головы”, поэта-творца, способного с лёгкостью *витать* в поднебесье (оба английских оригинала кончаются этим словом).

Рыцарь – это теперь тема рефлексии, гуманистического осмысления и художественного преломления. Но главное: духовная со-

¹ Ричард Корбет (1582-1635).

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

ставляющая ещё повышает свой градус. Корбет был тоже богат добросердечием, душевной чистотой и почти Рэтлендовской эмпатией. Бэкон, человек душевно холодный, добрым и отзывчивым был по велению ума.

Корбет также откликнулся на выход «Кориэта». Поименовав голову странника «огромной и многознающей» – *this wit, massive* – он пишет в приветствии:

*И к нам зывайте вы, чья светлость лбов
Вас сделала приютом друг для друга;
Чья тишиною славилась любовь,
Как наша, патетическая, – гневом;
Кто душу мира в каплю сжал, и в глаз
Вогнав, оборотил глаза в зеркала;
Теперь они, уменьшив, отражают
Дворы, столицы, страны. Так молитве
Нас осенить такой любовью Небо.*

.....
(И в заключенье:) Англия, гордись,
Что этот Человек из человек
Свой мыслей груз здесь мягко приземлил:
Пусть прочитают и поймут его –
В нём всё великолепно, как сам автор.¹

Простодушный и искренний Корбет был не способен на издёвку и подковырку а la Ven; он не мог отпускать *такие* комплименты слабоумному шуту-псевдоимениннику – Рэтленд как адресат здесь расшифрован полностью.

Вообще говоря, реальный шут Томас Кориэт и реальный театральный предприниматель Вильям Шакспер делают общую картину игровой алтонимности достаточной прозрачной; ломиться в затянутый тюлем вход и орать: я знаю, кто за этим кроется, было неприлично. Кориэт с удовольствием поиграл в виновника торжества, – не исключено, что сам Рэтленд надевал ему на голову лавровый венок – как у Данте с Рафаэлевского «Парнаса».

Что же касается Шакспера, то, получая гонорар за реального автора пьес “по доверенности”, он должен был во избежание путаницы называться иначе. Когда ему выплачивали деньги за пьесы «Мера за меру» и «Комедия ошибок», он вообще назвался Shaxberd’ом

¹ По 3; 441-442 (ред. моя – ОК).

(декабрь 1604), тогда как скромное жалование как актёр он получал как Shakespeare (сам он так академически никогда не расписывался). На эту торжественную фамилию была выписана и алая ткань на дворцовую ливрею (звучит Solemn music). Ну не графу же было шить из казённой ткани себе костюм королевского грума! Не было никакой секретности – был соблюдаемый всеми дворцовый этикет и “правила игры”.

Вот яркий пример ситуации. Театральные постановки и дворцовые «маски», перенасыщенные аллегоризмом, являлись своего рода живым *кроссвордом*, разгадывание которого подразумевалось сутью упражнения, гимнастики ума. Иносказательность текста была в порядке вещей и никого не коробила. Выговаривать за подобную форму никому не приходило в голову. Но когда в разгаданном тексте находили грязные намёки или хамское панибратство, автора подвергали обструкции, а пьесу могли даже запретить. Так было с последними опусами Бена Джонсона, включая комедию «Чёрт, выставленный ослом» (1616). Бен понял, что перебрал, и стушевался.

Так что «кроссворд» – ключевое слово для темы «Загадка Шекспира». Горизонталь реальности и вертикаль вымысла образуют “сетку гамака”, в которой лежит, покачиваясь, пока мистический автор. И *ведение* его – не в точном названии, а в адекватизации читателя (зрителя) глубине информации и высоте эмоций оставленных им произведений.

Вот образец работы феномена.

Лирическая драма «Как вам это понравится» является обработкой пасторальной повести Томаса Лоджа «Розалинда, или Золотое наследие Эвфуса» (1590). В пьесу перешли Орlando, Сильвий, несчастный жених гордячки Фебы, Тачстоун и Жак Меланхолик. Причём двое последних добавлены “Шекспиром” от себя. Рэтленд поделил себя на три части, эти трое – Сильвио, несчастный жених; Тачстоун, рупор автора; Жак Меланхолик – лирический герой, персонафицированная душа. Крупноты автора хватает на троих. Сюжет разыгрывается внутри его собственного духовного пространства, и сам его масштаб указывает на интеллектуальный калибр автора.

«В самом конце Жак узнаёт, что герцог Фердинанд, изгнавший брата в Арденнский лес и собравшийся теперь воевать с ним, на опушке леса встретил святого отшельника, послушал его речи, вернул изгнанному брату королевство, сложил оружие и отрешился от мира. И Жак решает присоединиться к вновь обращённому – у таких есть чему поучиться. Он желает влюблённым парам того, к чему они

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

больше всего стремятся. Сильвию, «девственнику», что так униженно предан возлюбленной, особое пожелание – супружеская постель: «A Long and well-deserved bed» – долгая и заслуженная. С этими словами Жак покидает двор»¹. Рэтленд № 1 желает Рэтленду № 2 сдвинуть упрямую жену с платонизма.

Может показаться, что Елизавета Рэтленд отравилась, когда впервые прочла эту пьесу. Или когда до неё дошло.²

Но вообще восхваление через осмеяние – обычный приём в литературе того времени. Эразм Роттердамский, Рабле, Сервантес действовали, создавая своих героев именно таким образом: «мальчика для битья» и надо взбивать как подушку – пышнее будет. Перед появлением шута присутствующим раздавали палки. Поэтому под *motley* надевали ватный жилет и ватный же накладной горб.

Особенно любят лупцевать шутов простолюдины во дворцах. Холуй Бен писал в 1624 году в «Послании сэру Эдварду Саквилу, ныне графу Дорсету» (*ныне и присно и во веки веков!*)

*Всяк рвётся в корифеи – был бы шанс
Или везенье. Странно, если – щас! –
Месье Никто, что был никем с утра,
Проснётся Сидни ночью на ура,
И если Кориэтом лёг в постель,
То встанет, ставши светочем, отсель
Весь освещаая христианский мир...*

Старший брат Эдварда Ричард Саквил был близким другом Рэтленда, и, вспоминая почивших, Бен хочет угодить адресату. Сидни умер давно, Рэтленд в 1612, Кориэт сгинул в 1616, брат умер только что, 28 марта 1624 года. Эдвард стал лордом вместо Ричарда. Но злобный Бен, хотя и делает вид, что “валяет дурака” (Кориэта), лягает Рэтленда – и больно – по двум пунктам: якобы не в курсе, что Кориэт – это он; во-вторых, поняв, что своим авторитетом “Шекспира” не победить, призывает на помощь Филипа Сидни – «поэта номер один Британии» – чтобы заткнуть Рэтленда-выскочку. При выходе «Нелепиц» имело место «осмеяние через восхваление»; похоже, что обратная ситуация Бену не удаётся. Закончим за него:

[Подай хоть на чекушку, командир!]

¹ 3; 414; (ред. моя – ОК).

² Недаром книгу-реквием супругам Честер назвал «Жертва любви, или жалоба *Розалины*».